

Ольга Граф

В ПОСТЕЛИ ДРАКОНА

УДК 82-3
ББК 84-4
Г75

Г75 **Граф О.**
В постели Дракона / Ольга Граф – М.: Литнет, 2026. – 94 с.

ISBN 978-5-524-00920-3

Раз в тысячу лет дракон забирает себе человеческую невесту на одну ночь. Он может сделать с ней всё, что захочет. Кроме одного — взять её без её “да”. Новый год Мира встречает одна: доставка, дешёвое шампанское и чувство, что даже вселенной на неё плевать. В полночь она смеётся и шепчет в пустую кухню: «Хочу мужчину, который захочет меня так, что будет готов сжечь мир ради меня». Желание исполняется. Только мужчина оказывается драконом. В ночь Йоля её выдёргивает в ледяной замок к Аэртгару, владыке драконьего мира. Для него человеческие невесты всегда были лишь сосудами для ритуала: страх, постель, жертва — и ещё тысяча лет одиночной тишины. Он холоден, древен и привык, что смертные либо плачут, либо сами падают к его ногам. Но с этой всё идёт не так. Мира не клянётся служить и не просит пощады. Она смотрит дракону в глаза, спорит, дерзит... и отказывается произносить своё “да”, пока не будет уверена, что это её выбор, а не магия, жгущая кровь. Йоль уже плавит её изнутри, замок заперт, время до рассвета тает — и у дракона всего одна ночь, чтобы заставить упрямую человеческую невесту прийти в его постель по собственной воле.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00920-3

© Литнет, 2026
© О. Граф, 2026

Глава 1. Желание, загаданное под куранты

Если встречаешь Новый год одна – не смотри в окно.

Это то, чему я успела научиться за последние несколько лет. Смотришь – и видишь только чужие гирлянды, чужие окна, где целуются чужие люди.

Как будто ты – бракованная деталь, забытая на складе.

Я выключила телевизор, когда ведущий в блестящем пиджаке заорал про «осталось десять секунд до счастья».

У меня счастье стояло на столе в виде дешёвого шампанского и пиццы из доставки. Всё.

На кухне пахло мандаринами и жареным мясом – соседи устроили пир, который переживёт атомную войну. У меня на сковородке остывали два кусочка курицы. Для антуража я купила крошечную свечку в виде снеговика и поставила её на подоконник. Сейчас огарок догорал, воск стекал по керамике, как растаявший снег.

Телефон пискнул.

Мама:

«Мирочка, с Новым годом! Всё будет хорошо. Обнимаю»

Сестра:

«Мир, ты опять одна? Загадай себе мужика, пока куранты, а то самой лень искать»

Я поставила сердечки, выключила звук и положила телефон экраном вниз.

Уметь так жить, чтобы за год у тебя было два с половиной свидания и ни одного человека, который захотел бы встречать с тобой праздник – тоже талант. Я доставляла чужие подарки – курьерская служба, круглосуточные заказы, бесконечные коробки – и каждый раз, отдавая очередной пакет с бантиком, ловила себя на мысли: а меня кто-нибудь так ждёт?

Ответ был очевиден.

Я взяла бокал, подошла к окну. Во дворе уже бухали первые петарды, вдалеке ухали салюты. В тёмном стекле отразилось моё лицо: бледная кожа, большие тёмные глаза, тёмные волосы, стянутые в небрежный хвост. Девушка, которая в кино играет не главную героиню, а её более адекватную подругу. На худой конец – соседку.

– Ну что, Мира, – вздохнула я, – традиционный тост соло.

Стрелки на дешёвых настенных часах приблизились к двенадцати. Я посмотрела на крошечную свечу на подоконнике. Огонёк дрожал.

Я не верила во все эти «загадать желание – и оно сбудется», но сейчас было слишком пусто, чтобы не попробовать.

– Ладно, – сказала я вслух. – Один раз живём.

Я подняла бокал, глядя не на телевизор, а прямо на своё отражение в стекле.

– Я хочу, – произнесла чётко, с какой-то злой усталостью, – чтобы хоть один мужчина захотел меня настолько, чтобы был готов ради этого спалить к чёрту весь мир.

Свечка мигнула и погасла.

Тишина накрыла квартиру так резко, что я вздрогнула. Пропал телевизор у соседей, хлопки салютов, шум подъезда. Даже холодильник перестал гудеть.

– Окей, – протянула я, – это уже не смешно.

Стрелки часов замерли ровно на «12». Я смотрела на них пару секунд – и почти физически чувствовала, как в воздухе что-то меняется. Становится плотнее. Тяжелее.

Воздух рванулся мне навстречу, как открытая дверь метро. Грудь сжало, в ушах зазвенело. Я попыталась вдохнуть – и из лёгких вырвался только хрип.

Окно вспыхнуло белым.

Не светом – льдом. Стекло покрылась толстым слоем изморози изнутри, треснуло паутиной. Мир за окном исчез, превратился в сплошной вихрь снега.

– Эй! – выдохнула я, отступая. – Алло, хватит спецэффектов... Пол ушёл из-под ног.

Я ударилась спиной о что-то твёрдое так, что из лёгких выбило воздух. Тишина. Не квартирная – гулкая, снежная, неживая.

Я лежала на спине. Под ладонями – гладкий лёд, прозрачный, как замёрзшее озеро. Внутри льда, под пальцами, мерцали тусклые голубые искры.

Надо мной вздымались своды. Высокие каменные арки, затянутые инеем. В их тёмной глубине светились редкие кристаллы, как чужие звёзды.

Я пыталась вдохнуть. Воздух был холодным до боли. Ни запаха мандаринов, ни сигарет из соседского окна, ни дешёвого шампуня. Только мороз.

– Так, – прошептала я. – Или я умерла, или кто-то очень странный заказал себе иммерсивный квест.

– Ты пока жива.

Голос прозвучал сверху – низкий, ровный, без единой эмоции.

Я дёрнулась и села, едва не поскользнувшись. В нескольких шагах от меня стоял мужчина.

В нескольких шагах от меня стоял мужчина. Первое, что подумала: слишком.

Слишком высокий. Слишком широкие плечи. Слишком нереальный.

Волосы – тёплый пшеничный блонд, тяжёлой волной падают на плечи, как распущенное под снегом золото. Обнажённая грудь под расстёгнутым тёмным камзолом будто вырезана из камня. На светлой коже – ни единого шрама.

Лицо жёсткое: резкие скулы, прямой нос, губы, сжатые в тонкую линию. И глаза.

Тёмные, глубокие, как омут подо льдом. В них не было ни любопытства, ни сочувствия, ни интереса. Только холодный, оценивающий взгляд. Так смотрят на вещь, которую заказали – и проверяют, не брак ли.

– Кто ты? – спросила я, и голос прозвучал хрипло.

Он не спешил отвечать. Просто смотрел. И это было хуже любого крика.

– Смертная, – наконец произнёс он, – ты задаёшь слишком много вопросов для той, кто только что провалилась в чужой мир.

– Простите, – я вскинула подбородок, – у вас тут, кажется, курьерская ошибка. Я не заказывала ледяной ад.

В его взгляде на миг мелькнула тень – даже не эмоции, а констатации факта: дерзкая.

– Ты дерзкая, – сказал он. – Непривычно. Но не улыбнулся.

Он шагнул ближе. Движение – плавное, бесшумное, как скольжение хищника. Между нами осталось шагов пять. Этого хватало, чтобы почувствовать исходящий от него холод – не ветер, не сквозняк, а плотное присутствие зимы.

– Имя, – коротко приказал он.

– Мира, – выдавила я. – А ты кто? Главный по морозильным камерам?

– Аэртгар, – прозвучало как приговор. – Дракон Холода. Хранитель Йоля. Владыка этого мира.

Он не хвастался. Просто констатировал. Я, девочка в растянутой футболке, и мужчина, который произносит «владыка мира» так же спокойно, как «курьер».

– Ну да, – пробормотала я, – конечно. Логично. Он не отреагировал. Ни бровью не повёл.

– Ты – призванная, – продолжил он. – Невеста Йоля. Ты принадлежишь мне до рассвета.

Он сказал «невеста» так, как говорят «сосуд» или «инструмент». Совсем без оттенка романтики.

– Отлично, – хмыкнула я. – Я вообще-то была занята... пиццу доедала.

– Твои дела в том мире закончены, – отрезал он. – Здесь у тебя одна задача.

Он протянул руку.

Не как джентльмен. Как хозяин, который забирает положенную ему вещь.

– Встань.

Я знала, что сейчас логичнее всего отпрянуть, закричать, устроить истерику. Но всё тело предательски сжалось от чего-то другого – от его голоса, от взгляда, от осознания, что он действительно может делать со мной что угодно.

Я не двинулась.

– Нет, – сказала я.

Слово прозвенело в ледяном воздухе. Чётко. Жёстко. Даже для меня самой неожиданно.

Его лицо не изменилось. Только тёмные глаза сузились, потемнели, как если бы в глубине вспыхнул уголь.

– Ты говоришь «нет» тому, кто держит твою жизнь в руках, смертная? – уточнил он спокойно.

– Я говорю «нет» тому, кто объявляет меня своей собственностью, не спросив, – огрызнулась я. – Даже если он... – взгляд сам собой скользнул по его груди, животу, – даже если он выглядит как рекламный плакат к богам-олимпийцам.

Тишина. Лёд под моими ладонями тонко треснул.

– Женщины в твоём мире часто спорят с теми, кто их выбирает? – без выражения спросил он.

– В моём мире женщин вообще-то никто не «выбирает», – скривилась я. – Мы сами решаем, с кем спать.

Он чуть склонил голову. Как зверь, который впервые видит что-то непонятное.

– Любопытно, – сказал он. – В моём мире женщины – сосуды рода. Их берут. Они подчиняются.

Ты – нет.

Он сделал ещё шаг. Теперь между нами было два шага. Паника поднялась к горлу, но я придавила её злостью.

– Классный у тебя мир, – процедила я. – Холодильник с функцией патриархата.

Слова он, возможно, не понял, но тон – да. Лёд вокруг ответил треском.

– Тебе повезло, смертная, – голос остался ровным, но в нём появилось что-то стальное. – Ритуал Йоля требует добровольной страсти. Я не могу взять тебя силой, пока ты не отдашься сама.

Ты не понимаешь, что это значит. Но поймёшь. Я сглотнула.

– То есть... ты притащил меня сюда, чтобы... – приличное слово так и не нашлось, – и не можешь этого сделать?

– Могу, – он наклонился ближе. Светлые волосы скользнули по его плечам.

– Но если нарушу условие ритуала, погибну я. И этот мир. Ты хотела, чтобы мужчина захотел тебя до безумия, Мира. Ты его получила.

Он резко, без предупреждения, схватил меня за запястье. Пальцы сомкнулись крепко, до боли. От этого прикосновения по коже побежал холодный огонь. Сердце сбилось с ритма.

Он посмотрел вниз, на мою руку в своей. Ни жалости, ни нежности – только сосредоточенность властного существа, проверяющего, насколько надёжно держит принадлежащее ему.

– До рассвета, – тихо сказал он, – у меня есть одна ночь, чтобы сделать так, чтобы ты сама сказала мне «да».

И я сделаю.

Он отпустил запястье – резко, как бросают вещь, – развернулся к широкой лестнице, ведущей вглубь замка.

– Встань и иди за мной, смертная, – бросил через плечо. – Я не привык повторять.

Я посмотрела на красный след от его пальцев, стиснула зубы. Желание, сказанное в полночь, шевельнулось внутри.

Я поднялась.

И пошла за ним.

Глава 2. Невеста, которая не опускает глаз

Ходить по льду в тонких носках – плохая идея. Но выбора у меня не было.

Я старалась не отставать. Аэртгар шёл чуть впереди, не оставляя следов – ни пара, ни инея, ни звука. Только тяжесть его присутствия давила на плечи.

Место, в котором я оказалась, на «дом» не тянуло вообще.

Это был не просто замок – скорее, ледяной собор, вырезанный из снега и тьмы. Высоченные своды, уходящие в темноту, колонны, оплетённые инеем, длинные коридоры, в которых эхо наших шагов тянулось слишком долго. В стенах то там, то тут мерцали тусклые огоньки, будто в толщу льда замуровали звёзды.

– А где все? – не выдержала я минут через пять этого молчаливого шествия. – Слуги, придворные, народ, толпы обожающих фанаток? У такого эго явно должны быть поклонницы.

Он не обернулся.

– Слуги знают своё место, – сказал ровно. – Им не нужно быть на виду. Женщинам – тем более.

– Удобно, – буркнула я. – Спрятал от глаз и сделал вид, что их нет.

Он остановился так резко, что я едва не врезалась ему в спину. Пшеничные волосы качнулись, скользнули по широкой спине.

Аэртгар медленно повернулся ко мне лицом.

Тёмные глаза задержались на моём лице, потом опустились ниже – к вороту футболки, к тонкой цепочке на шее, к пальцам, сжимающим телефон. Вернулись вверх.

– Женщины в моём мире, – произнёс он, как констатацию, – не разговаривают так с тем, кто держит их жизнь в руках.

– Женщины в моём мире, – я встретила взгляд, не отводя, – не обязаны молчать, если кто-то считает их своей собственностью.

Короткая пауза. Лёд вокруг будто стал ещё прозрачнее, звук шагов глухо отдался в сводах.

– Ты не опускаешь глаза, – задумчиво сказал он. – Ни разу, с тех пор как увидела меня.

– Потому что ты мне не начальник, – пожала плечами. – И не бог.

– Я – владыка этого мира, – спокойно напомнил он. – Но, кажется, для тебя титулы ничего не значат.

Значили, конечно. Но признавать это ему – ни за что.

– Люди – значат, – ответила я. – А человеком ты себя ещё никак не проявил.

Он хмыкнул. Даже не хмыкнул – коротко выдохнул носом, как если бы услышал любопытный факт.

– Женщины как ты в моём мире долго не живут, – сообщил он беззлобно.

– Хорошо, что ты не из него.

И развернулся, продолжая путь.

Следующую дверь он открыл жестом. Лёд на створках хрустнул, разошёлся волной, и я вошла в зал, от которого у любой феминистки случился бы нервный тик.

Высокие стены были расписаны фресками. Мужчины – высокий, широкоплечий силуэт, то с крыльями, то без – и рядом женщины. На коленях, с опущенными глазами, с распущенными волосами. На одной фреске женщина лежала в объятиях дракона, на другой – склонялась с чашей, на третьей – тянула руки вверх, принимая с неба снежный свет.

Меня слегка подтащило.

– Шик, – сказала я. – Музей патриархата.

– Это история, – отозвался Аэртгар. – Невесты Йюля. Каждая тысяча лет – одна ночь, одна женщина, один ритуал.

Он говорил ровно, без пафоса. Подошёл к ближайшей стене, провёл ладонью по льду. Фигуры на фреске будто стали ярче.

– Смертная, – начал он объяснять, как учитель, – раз в тысячу